

*Посвящается моему первому читателю
и лучшему другу Смигу Клайборну*

Пролог / Хилтон Хед Айлэнд¹, 1983

Большой портрет маслом, изображающий Шарлотту с детьми, был написан по фотографии, сделанной на побережье острова Хилтон Хед Айлэнд, на закате. Шарлотта хотела, чтобы вечер получился безукоризненным. Она заблаговременно уложила в сумку-холодильник пиво и стеклянные бутылки с кока-колой. Все были такие загорелые, светловолосые. Уинстон выступал в роли фотографа.

На портрете Шарлотта выглядит счастливой, но не то чтобы очень. Тут ей тридцать девять: стройная и смуглая, она сидит на одеяле в окружении своих троих детей. Светлые волосы Ли разметал соленый ветер. Корд в шортах из жатого ситца и белой футболке поло. И малышка Реган — босоногая, в легком сарафанчике.

Шестилетняя Ли старалась всем угодить, считывая настроение родителей (так читают книгу о привидениях, где на каждой странице тебя поджидает опасность). Весь день Уинстон просидел в спальне арендованной виллы, без конца смолит и смотрел телевизор. И хотя перед уходом он заранее принял душ, резкий запах не выветрился.

¹ Город на одноименном острове в округе Бофор, Южная Каролина, США. (Здесь и далее — *прим. перев.*)

Ли раньше думала, что самое плохое — это выходные, когда папа дома. Но она ошибалась.

Из-за солнца кожа ее вся горела, хотя Шарлотта намазала ее липким соком алоэ. Все они часами гадали, когда же отец выйдет из спальни и будет ли он зол, безразличен или грустен. Шарлотта нервничала больше прежнего: она отчаянно хотела, чтобы выходные прошли на высоте, а Ли пыталась понять, к чему бы это. Всегда надежнее оставаться тише воды и ниже травы. Нужно выказывать радость от созерцания маяков и плоских морских ежей, от собирания ракушек. Если тебя ужалила медуза, просто тихо скажи об этом Шарлотте и не устраивай сцен, как бы больно тебе ни было. Вытряхивай песок из обуви, не заноси его в дом, не перечь, ничего не выпрашивай. Если тебе купили мороженое — ешь молча, чтобы ни капельки не пропало, даже если ты хотела мороженое с другим вкусом. И не вздумай испачкать одежду. Если ты попросила в «Морском Волке» куриные палочки, не будь свиношкой: даже если они недожаренные, тарелка должна остаться пустой.

Ли очень старалась, но стоило ей освоить какое-нибудь новое правило, кто-то из малышей обязательно его нарушал. Понятно, что Реган совсем крошка, но сегодня днем она разревелась прямо в присутствии Уинстона. У Ли аж живот заболел, когда отец гневно прищурился. Находясь на линии огня его взгляда, Ли научилась превращаться в призрак. На всякий случай. Мысленно она улетала куда-нибудь подальше, где не так опасно. Но тогда некому было защитить четырехлетнего Корда и малышку Реган. Поэтому Ли прилетала обратно, кусая щеки изнутри и боясь даже пикнуть.

Корд тоже потихоньку приспособливался. Он больше не носился бегом вверх по лестнице, изображал радость от ловли крабов в компании Уинстона, но Ли видела ужас в его глазах, когда отец протягивал сыну куриную шейку, чтобы тот нацепил ее на крючок. Стояла жара. Корд, весь

такой хрупкий, брал в руки краболовку, моргая и проглатывая слезы. Уинстон подбадривающе хлопал сына по спине, а Корд словно каменел. Взгляд отца блуждал по воде, будто он увидел вдали нечто душераздирающее.

Ли с отцом были ранними пташками и, держась за руки, шагали по дороге на пляж, чтобы встретить восход солнца. Песок был еще прохладным после ночи. Отец был с нею ласков — говорил про ее золотистые волосы и что она его звездочка. Но он говорил и странные вещи:

— Я правда стараюсь. — Он словно обращался сам к себе. — Я как в тумане, хочу, чтобы он рассеялся, но не знаю, как этого добиться.

Ли тогда крепко обняла отца. Только через много лет она поняла, что он имел в виду. Но в то утро слова его звучали загадочно.

Пора было фотографироваться. Шарлотта нервно хихикнула и взбила волосы.

— Как я выгляжу, дорогой?

— Отлично. Вы все отлично выглядите, — сказал Уинстон. — Моя семья. Надо же.

Словно он и сам не верил, что это правда. Словно они были семьей из какого-нибудь кино, которое он бы рад похвалить, но не может. Корд уткнулся подбородком в колено Шарлотты, бесстрастно уставившись в камеру. Наверное, он тоже научился улетать мыслями куда подальше.

— Корд, что за несчастное лицо, — сказал Уинстон.

Корд заморгал, словно его разбудили. Малышка Реган смиренно сидела у мамы на ручках. Шарлотта вздернула подбородок.

— Отлично, молодцы, — сказал Уинстон и щелкнул дорогим *Nikon*.

Реган ухватила своей пухлой ручонкой за палец Ли, а та дотянулась за спиной Шарлотты до Корда. По крайней мере у нее есть брат и сестра, подумала Ли. Уже поэтому она никогда не будет одинока. Ли вечно хотела все

поправить в их семье: разобраться с отцовским «туманом», сделать так, чтобы папа не кричал на Реган с Кордом, и убедить маму, что ей не нужны комплименты, потому что она и так красивая.

— Ли! — сказал Уинстон. — Улыбнись как я люблю!

Ли лучезарно улыбнулась, чтобы отец мог ею гордиться. Сегодня и следующие два нескладных дня среди прибрежного песка, когда в воздухе пахло пивом, а стало быть, и несчастьем, — то был последний раз, когда Ли проводила так много времени в кругу своей семьи.

Все повторилось лишь тридцать два года спустя, когда все вместе они отправились в путешествие.

ЧАСТЬ 1
Багаж

1 / Шарлотта

Иногда Шарлотта подолгу стояла перед этим семейным портретом, что висел в ее кондоминиуме в городе Саванна, штат Джорджия, — висел над газовым камином, который она почти никогда не зажигала. На портрете ее волосы цвета жженой умбры в золотых переливах ниспадают мягкими волнами, обрамляя линию скул. На лице играет отстраненная улыбка Моны Лизы, притягательная своей непостижимостью. Люди обычно так не улыбаются. То была улыбка для зрителей, а не естественное выражение радости. И все же Шарлотта считала, что тут она хороша — лучше, чем когда-либо в своей реальной жизни. И уже тем более гораздо лучше себя сегодняшней, когда ей семьдесят один и каждый третий вторник мастер Ханна делает из нее платиновую блондинку а-ля Мэрилин Монро.

На похороны своей любимой подруги Шарлотта решила надеть простое черное платье. Как-то перед прогулкой Минни немного посмеялась над Шарлоттой, когда та купила в стоковом магазине розовый с отливом кардиган. В отместку Шарлотта надела именно его, довершив образ белой сумочкой от Коуч.

Сначала Шарлотта хотела, чтобы на похороны ее повезла дочь Реган, но ведь тогда придется выслушивать ее рассказы о борьбе с лишним весом, — так что Шарлотта отправилась на похороны на собственной машине.

Шарлотта и Минни не раз обсуждали тему гробов. Шарлотта говорила, что нечего лежать в открытом гробу и пугать людей, это даже неприлично, но Минни была другого мнения. Потому что лучше увидеть мертвое лицо, попрощаться с человеком и понять, что его больше нет. «Я принимаю реальность такой, какая она есть, — говорила Минни, — а ты пытаешься ее отвергать. Но рано или поздно реальность настигнет тебя все равно».

Наверное, сегодня и был тот самый день.

На негнущихся ногах Шарлотта медленно подошла к гробу. Она знала, что отец Томас приглядывает за ней, что он рядом, и была благодарна ему за это. Шарлотта посмотрела на мертвое лицо Минни, как та и хотела. Лицо подруги покрывал слишком толстый слой бронзера, но так было и при жизни Минни. Шарлотта много раз пыталась отговорить ее: «Минни, не перебарщивай с бронзером!» Но та ее не слушала и все делала по-своему. Минни была своенравной — за это Шарлотта и любила ее с тех самых пор, как они познакомились на утренней трапезе в церкви Сент-Джеймс (Минни как раз только переехала в Саванну). Блины были ужасно невкусные и политые дешевым сиропом. Минни тогда повернулась к Шарлотте и сказала: «Фу!»

Шарлотта молча опустила голову. Она считала себя слишком воспитанной, чтобы костерить церковные блины.

— Вы меня что, не слышите? — повторила Минни. — Блины — фу!

— Я вас прекрасно слышу, — пробормотала Шарлотта.

— А у вас зашибецкие брюки, — сказала Минни.

Шарлотта машинально огладила свою пятнистую юбку-брюки с леопардовым рисунком (туфли были в тон — тоже пятнистые). Да, *зашибеукие*.

Они обе были одиноки и вдвоем ходили на открытие выставок, пили вино по средам, когда были скидки, посещали кафе на воде. Катались по окаймленным магнолиями и зимнецветущими камелиями дорожкам курортных зон Маршвуд Пул и Франклин Крик Пул. У Минни имелся свой гольф-мобиль «Синий Демон» на сорок восемь вольт и с кожаными сиденьями. И вот прошло сколько? — двадцать лет, и Шарлотта состарилась, а Минни умерла.

— Дорогая, слишком много бронзера, — прошептала Шарлотта. Горло обдало жаром. — Хватило бы просто немного румян, я же тебе говорила, — мягко продолжила она.

Однажды, когда они «уговорили» на пару бутылку *Берфут шардоне*, Минни разрешила сделать себе макияж. Она уселась на стул перед зеркалом в ванной Шарлотты, и та начала колдовать. Намазала тональный крем, покрасила подруге ресницы, обвела губы контурным карандашом, нанесла помаду. Чтобы ресницы не торчали, она их немного подкрутила и растушевала кистью рассыпчатую пудру. Наконец, Минни открыла глаза. Пока она разглядывала в зеркале свой новый, усовершенствованный образ, Шарлотта прошлась щеткой по ее волосам.

— Ну как? — поинтересовалась Шарлотта, подперев щеку рукой. — Скажи красotka?

— Чистая проститутка субботним вечером. — Минни покрутила головой, оглядывая работу подруги-профессионала.

— Сегодня среда, — уточнила Шарлотта, и обе они просто сложились от смеха.

Это было так здорово — смеяться, выключив внутренний «сторожок». Следующим утром, на рассвете, они отправились к лагуне встречать восход солнца. Без макияжа лицо Минни было чистым как у младенца. А через